

СТАТЬИ, ИССЛЕДОВАНИЯ, РАЗРАБОТКИ

Кризисы и конфликты

Т.С.Денисова, С.В.Костелянец

КОНФЛИКТ В ЦАР: ЭКОНОМИКА ВОЙНЫ

DOI: 10.20542/2307-1494-2019-1-9-21

Аннотация Статья посвящена развитию «экономики войны» в Центральноафриканской Республике (ЦАР), с 2012 г. охваченной вооруженным конфликтом. В конфликте участвуют власти страны, повстанческие коалиции «Селека» (позже «экс-Селека») и «Антибалака», общинные ополчения, криминальные группы и т. д. На примере ЦАР, в условиях отсутствия контроля со стороны центральных властей над периферийными районами страны, анализируются тенденции к трансформации военно-политического конфликта в «войну всех против всех» за доступ к богатым природным ресурсам страны и за возможность их незаконной эксплуатации с целью обогащения. Сделаны выводы о значении «экономики войны» для развития народного хозяйства ЦАР и ее влиянии на материальное положение граждан страны.

Ключевые слова Центральноафриканская Республика, военно-политические конфликты, вооруженные группировки, экономика войны, насилие против гражданского населения, М.Джотодия, Ф.-А.Туадера, природные ресурсы, экономическое развитие, безопасность

Title Conflict in the Central African Republic: the war economy

Abstract The article analyzes how the “economy of war” evolved in the Central African Republic (CAR) that has suffered from an armed conflict since 2012. The conflict involved the central government, “Seleka” (later “ex-Seleka”) and “Antibalaka” rebel coalitions, communal militias, criminal groups and other actors. The CAR case study illustrates a broader trend of how, in absence of governmental control over peripheral regions, a political-military conflict transforms into a “war of all against all” for access to rich natural resources and for gaining opportunities for illicit exploitation of these resources. In conclusion, the authors assess significance of the “economy of war” for CAR’s national economy and its impact on the socio-economic position of the country’s citizens.

Keywords Central African Republic, political-military conflicts, armed groups, war economy, violence against civilians, M.Djotodia, F.-A.Touadera, natural resources, economic development, security

Денисова Татьяна Сергеевна – ведущий научный сотрудник, заведующая Центром изучения стран Тропической Африки Института Африки РАН; Костелянец Сергей Валерьянович – старший научный сотрудник, заведующий Центром социологических и политологических исследований Института Африки РАН.

I. Введение

Наличие в африканских странах богатых природных ресурсов гипотетически должно было бы способствовать эффективному экономическому развитию и повышению уровня жизни местного населения. Однако из-за отсутствия надлежащего руководства вкупе с высоким уровнем коррупции и политической нестабильностью многие государства континента охвачены нищетой и раздираются военно-политическими конфликтами. Стремление получить доступ к месторождениям полезных ископаемых и возможность их незаконной эксплуатации и экспорта в целях обогащения не обязательно являются главными мотивами повстанческой активности и деятельности антиправительственных вооруженных группировок, однако почти всегда ведут к эскалации и расползанию конфликта.

В статье данный тезис конкретизируется на примере небольшой африканской страны – Центральноафриканской Республики (ЦАР), население которой едва достигает 5 млн. человек. Как и многие другие государства континента, ЦАР располагает богатыми природными ресурсами, однако находится в ряду наименее развитых африканских стран и с 2012 г. является ареной вооруженного конфликта. К настоящему времени конфликт в ЦАР перешел в новую фазу, для которой характерны как некоторое снижение уровня насилия, так и падение значения политических мотивов вооруженного противостояния по сравнению с экономическими и бурная криминализация на фоне общего экономического спада. Вооруженные группы, преступные банды, коррумпированная элита и недобросовестные компании, в том числе иностранные (и транснациональные), обогащаются за счет торговли минеральным сырьем и на протяжении многих лет изымают огромные богатства, прибегая к незаконным и/или неэтичным действиям. Местное население редко получает выгоды от добычи полезных ископаемых, хотя систематически страдает от последствий загрязнения окружающей среды, конфликтов и нарушений прав человека.

II. Динамика конфликта

Получив в 1960 г. независимость от Франции, Центральноафриканская республика в течение всего постколониального периода находилась в состоянии перманентной политической нестабильности. Смена правящих режимов происходила почти исключительно путем военных переворотов. В 1966 г. Жан-Бедель Бокасса сместил первого президента страны Давида Дако. В 1979 г. французские десантники вынудили Бокассу покинуть президентский дворец, и страну вновь возглавил Дако, вскоре опять смещенный генералом Андре Колингбой в ходе военного переворота 1981 г. В 1993 г. последний уступил власть Анж-Феликсу Патассе, которого в 2003 г. сменил Франсуа Бозизе. Бозизе сохранял власть в течение 10 лет и два раза – в 2005 и 2011 гг. – одерживал победу на президентских выборах.

24 марта 2013 г. в стране произошел переворот, организованный преимущественно мусульманской повстанческой коалицией «Селека», которая была создана в 2012 г. в северо-восточной части ЦАР. В результате переворота к власти пришел лидер мятежников Мишель Джотодия, провозгласивший себя президентом. Во второй половине 2013 г., в ответ на насильственные действия «Селеки» в отношении христианского населения, возникло объединение преимущественно христианских деревенских групп самообороны «Антибалака». В декабре 2013 г. «Антибалака» предприняла масштабное наступление на столицу

страны г. Банги и в ходе кровопролитных сражений начала вытеснять боевиков «Селеки» в северо-восточные районы страны. В январе 2014 г., под влиянием международной общественности и под напором «Антибалаки», неспособный более контролировать обстановку М.Джотодия был вынужден уйти в отставку. «Селека» распалась на множество фракций и стала называться «экс-Селекой». Созданное в январе 2014 г. временное правительство возглавила бывший мэр Банги Катрин Самба-Панза, а в феврале 2016 г. на президентских выборах победил бывший ректор Университета Банги Фостен-Арканж Туадера. С 2018 г. обучение армии ЦАР осуществляют российские военные инструкторы.¹

После прихода к власти Ф.-А.Туадеры конфликт вошел в новую, менее насильственную фазу. Однако политическая нестабильность сохраняется, и межконфессиональная напряженность остается достаточно острой – несмотря на многочисленные мирные соглашения, подписанные в Браззавиле (2014 г.), Найроби (2015 г.), Банги (2015 г.), Риме (2017 г.), Хартуме (2019 г., при участии России), начало реализации программы разоружения, демобилизации и реинтеграции (РДР) и присутствие в стране миротворцев Многопрофильной комплексной миссии ООН по стабилизации в ЦАР (МИНУСКА), развертывание которой было санкционировано резолюцией 2149 Совета Безопасности ООН от 10 апреля 2014 г. В соответствии с мандатом, главной задачей МИНУСКА являлась защита гражданского населения, хотя миссия выполняла и другие задачи: содействие предоставлению гуманитарной помощи, поощрение и защиту прав человека и т. д.²

«Антибалака» по-прежнему осуществляет операции по вытеснению мусульманского населения из западных и центральных районов, а группировки «экс-Селеки» сражаются между собой за контроль над месторождениями полезных ископаемых и с местным населением, которое, по мнению боевиков-мусульман, поддерживает «Антибалаку». Правительство Туадеры не способно обеспечить контроль над районами за пределами столицы и ее пригородов. «Экс-Селека» и «Антибалака» открыто действуют на двух третях территории страны.

Серьезной проблемой остается высокий уровень безнаказанности вооруженных акторов, а отсутствие ответственности за совершенные преступления по-прежнему порождает недоверие населения к правительству. Кроме того, раздробленность вооруженных группировок и соперничество их лидеров за доступ к природным ресурсам затрудняют достижение консенсуса на переговорах. Развал государства и экономики позволяет повстанческим и преступным группировкам получать значительные доходы благодаря контролю над богатыми природными ресурсами, что продолжает подпитывать вооруженный конфликт.

(а) Первоначальные мотивы «Селеки»

До возникновения в ЦАР политического кризиса, который сохраняется до сих пор, в северо-восточных районах страны действовали многочисленные антиправительственные группировки, вступавшие в вооруженные столкновения с местными деревенскими отрядами самообороны, подразделениями регулярной армии и криминальными структурами.³ С появлением «Селеки» вялотекущие локальные конфликты трансформировались в широкомасштабные боевые действия между повстанцами и регулярными вооруженными силами.

Коалиция «Селека» (в переводе с языка санго – «альянс») образовалась в районах преимущественного проживания мусульман на северо-востоке ЦАР в результате слияния нескольких группировок, оппозиционных центральной власти.

Их объединяло общее ощущение политической и экономической маргинализации и длительная борьба за свержение режима Ф.Бозизе, начавшаяся вскоре после его прихода к власти в 2003 г. В декабре 2012 – начале 2013 г. «Селека» заняла несколько административных центров и других населенных пунктов, в основном в горнодобывающих районах на востоке страны и, установив над ними контроль, двинулась в сторону столицы. 24 марта 2013 г. боевики вошли в Банги и свергли президента Бозизе. После захвата столицы отряды «Селеки» заняли и часть западной территории ЦАР.

Изначально методы и стратегия, использовавшиеся «Селекой», указывали на то, что главным мотивом выступления был захват власти. Лидеры коалиции, в том числе М.Джотодия, требовали осуществления политических реформ, установления «надлежащего управления», расследования совершенных Бозизе нарушений прав человека и выплаты компенсации бойцам, способствовавшим его приходу к власти в 2003 г. Отсутствие социально-экономических перспектив и средств к существованию также может объяснить ту легкость, с которой в состав движения вливались новые силы: лидеры повстанцев обещали рядовым гражданам страны быстрое повышение уровня их материального благосостояния.

Конфликт обрел и характер межконфессионального противостояния: во время первых наступательных операций жертвами боевиков чаще становились христиане. Мусульмане также подвергались грабежам и другому насилию, ибо так же, как и в других африканских конфликтах, солдаты «на марше» кормились «от земли», то есть за счет местного населения. Лишь в 2013 г., когда в ответ на насилие с стороны боевиков-мусульман возникло христианское движение «Антибалака» и начались преследования мусульман на западе и в центральных районах, возник вопрос о защите мусульманских общин, а христиане стали более целенаправленно избираться «Селекой» мишенями для атак.⁴

Между тем сразу после прихода «Селеки» к власти характер войны и цели самого движения резко изменились: политические интересы все чаще уступали место мотивам обогащения. Отчасти это объяснялось все громче звучавшими требованиями боевиков, прежде всего чадских и суданских наемников, «заплатить» им за оказанные услуги. В результате М.Джотодия фактически отдал страну на разграбление командирам «Селеки» в награду за их участие в перевороте.

(б) Первоначальные мотивы «Антибалаки»

«Антибалака» (на языках санго и манджа – «антимачете») представляла собой свободную коалицию вооруженных группировок, каждая из которых имела своего командира и не подчинялась какому-либо единому командованию. Как только силы «Селеки» в январе 2014 г. покинули столицу, «Антибалака» начала кампанию террора, направленного против мусульман. Жертвами становились мусульманские общины, лагеря скотоводов-кочевников и беженцев. Движение также вступало в столкновения с миротворцами Многонациональных сил Центральной Африки (ФОМАК) и французским контингентом операции «Сангарис», дислоцированными в стране в соответствии с Резолюцией 2127 Совета Безопасности ООН от 5 декабря 2013 г. Кроме того, отдельные отряды «Антибалаки» сражались друг с другом за контроль над населенными пунктами и месторождениями полезных ископаемых, т. е. началась «война всех со всеми».⁵

Изначально деятельность «Антибалаки» была направлена на защиту христианских общин от боевиков «Селеки». Однако вскоре вынашивавшаяся десятилетиями ненависть к мусульманам проявилась с особой силой, и действия

бойцов-христиан стали выходить далеко за пределы самообороны. Надо сказать, что мусульмане, составляющие лишь 15% населения ЦАР и проживающие в окружении христиан, зачастую воспринимаются в стране как «иностранцы» или даже «чадцы», так как значительная их часть переселилась на территорию ЦАР в ходе многочисленных миграций из Чада, Судана, Камеруна и других стран. Независимо от того, на протяжении скольких поколений мусульманская семья проживала в ЦАР, ее члены оставались «чужаками»/«иностранцами». Поэтому и преимущественно мусульманская «Селека» также воспринималась как «иностранная», «чадская» группа.

Мусульмане, среди которых к тому же было много чадских и суданских арабов, нередко оказывались более предприимчивыми, чем местное население. В течение последних десятилетий среди христианского населения росла зависть к мусульманам, которые контролировали значительную часть торговли (в т.ч. алмазами и золотом) и бизнеса, якобы «используя ресурсы страны в ущерб коренным жителям». ⁶ Именно жестокость боевиков «Антибалаки» в отношении мусульман привела к тому, что конфликт в ЦАР начал восприниматься как межконфессиональный.

Между тем «Антибалака» быстро достигла своей цели свержения режима «Селеки», и, по мере того, как «христиане» завоевывали территорию, а мусульмане утрачивали силы и власть, мотив самообороны стал ослабевать. Лидеры обоих движений начали призывать к прекращению боевых действий. Однако и захватившие власть в глубинных районах полевые командиры, и не успевшие поправить свое материальное положение боевики не прекратили боестолкновений. Акты насилия продолжались и в столице, и за ее пределами. Более того, в продолжении конфликта заинтересована и значительная часть рядовых центральноафриканцев, так как активно развивавшаяся в стране с 2012 г. «экономика войны» позволяет выживать и даже обогащаться многим гражданам страны.

III. Экономика войны

После установления контроля над тем или иным районом мотивы деятельности группировок «Селека» и «Антибалака» менялись: стремление к захвату власти и к отмщению уступало место жажде наживы. Она удовлетворялась в различных формах: путем грабежей, угона скота, установления блокпостов на дорогах и пограничных переходах, где пешеходы и водители транспортных средств «облагались налогами», браконьерства (отлова слонов и других диких животных, продажи бивней и мяса) и т. д. Однако главным источником дохода для обеих групп стал контроль над добычей алмазов и золота.

(а) Незаконная добыча алмазов и золота

Отдельные участки алмазо- и золотодобывающих районов ЦАР до сих пор находятся под контролем отрядов «экс-Селеки» и «Антибалаки». Правда, добыча алмазов на востоке резко сократилась после вспышки конфликта из-за масштабного рекрутирования молодых шахтеров в ряды «Селеки». Стесненные в средствах закупочные конторы стали снижать цены на алмазы, однако этим воспользовались неофициальные дилеры и контрабандисты, сохранившие доступ к мировым рынкам и установившие тесные связи с повстанческими движениями.

До начала конфликта алмазная промышленность вносила значительный вклад в экономику ЦАР. Экспорт алмазов составлял около половины общего объема экспорта страны и 20% ее бюджетных поступлений.⁷ В мае 2013 г., через два месяца после прихода «Селеки» к власти, управление Кимберлийским процессом (КП; так называемой схемой сертификации процесса Кимберли, нацеленной на предотвращение поступления на рынок «кровавых алмазов»)⁸ ввело запрет на экспорт центральноафриканских алмазов. В результате с мая 2013 г. по конец 2014 г. ЦАР потеряла от контрабанды алмазов через соседние страны 24 млн. долл.⁹ Поскольку запрет на экспорт не препятствовал торговле драгоценными камнями в границах ЦАР, на протяжении всего конфликта тысячи мелких старателей продолжали добывать алмазы и продавать их дилерам, которые, в свою очередь, перепродавали их экспортным компаниям, известным как «закупочные дома» и расположенным в Банги и других крупных городах.

После приостановки экспорта закупочные дома не имели достаточных средств для инвестирования в новые горнодобывающие предприятия. На оставшиеся средства они предпочитали покупать алмазы, чтобы позже получить отдачу от ранее сделанных инвестиций. Будучи стесненными в средствах и не зная, когда они смогут начать экспортировать, закупочные дома снижали цены на 40–50%.¹⁰ Побочным эффектом этого стало удешевление предложения алмазов со стороны неофициальных покупателей и контрабандистов, все еще имевших доступ на международные рынки. Они наращивали прибыль за счет расхождения между внутренними и внешними рыночными ценами, нещадно эксплуатируя шахтеров.

С момента вступления в силу запрета на экспорт алмазов их скупщики сделали крупные запасы драгоценных камней. Например, компании «Бадика» (“Badica”) и «Содиам» (“Sodiam”) в ходе конфликта совместно приобрели алмазов на сумму в несколько миллионов долларов, в т.ч. закупая их в районах, находившихся под контролем «Селеки» и «Антибалаки». Хотя обе компании отрицали факт покупки алмазов в зонах конфликта, по утверждению экспертов «Международной амнистии» они приобретали камни без проведения надлежащего расследования их происхождения.¹¹

В июле 2015 г. участники Кимберлийского процесса (КП) согласились на возобновление экспорта алмазов из некоторых районов ЦАР после выполнения экспортерами определенных условий. Правительство страны лоббировало этот шаг, поскольку страна отчаянно нуждалась в экспортных доходах. КП также позволил закупочным домам экспортировать алмазы при условии проведения их «проверки». Впрочем, сохраняется опасность того, что и после снятия запрета «кровавые алмазы» все-таки продолжают вывозиться на мировые рынки.

Часть алмазов контрабандным путем вывозится из ЦАР в соседние страны, прежде всего в ДРК и Камерун. Контрабанда центральноафриканских алмазов была серьезной проблемой и до нынешнего конфликта, но ее объемы заметно возросли с момента его начала. Около 140 тысяч карат были незаконно вывезены из ЦАР за период с середины 2013 г. до середины 2015 г., при этом очень немногие алмазы были изъяты как «подозрительные».¹² Непосредственно связанные с ЦАР наземным и воздушным транспортом страны обычно не становятся конечным пунктом назначения контрабандных алмазов, которые, как правило, обретают свою реальную стоимость лишь тогда, когда достигают рынков в мировых торговых центрах, крупнейшие из которых находятся в Бельгии и ОАЭ. Оба государства являются участниками Кимберлийского процесса и, казалось бы, должны иметь эффективные системы регулирования импорта и экспорта алмазов. Однако огромное число крупных и мелких, легальных и нелегальных торговцев и

посредников, а также объем сопутствующих документов затрудняют контроль над торговлей, создают лазейки в мониторинге и препятствуют наказанию не соблюдающих правила торговцев.

В настоящее время «экс-Селека» и «Антибалака» получают значительную прибыль от внутренней торговли алмазами. В некоторых случаях они захватывают рудники, облагая старателей «налогами» или требуя от них оплаты «охранных услуг». Кроме того, боевики совершают нападения на шахтеров-кустарей и дилеров и грабят их.¹³ Роль продажи алмазов непосредственно в финансировании повстанческими группировками своих вооруженных операций оценить непросто, так как эти акторы не контролируют торговлю алмазами полностью, а размах вымогательства измерить трудно. Параллельно оба движения получают доходы от «налогообложения» торговли и другими товарами: сельскохозяйственной продукцией, предметами первой необходимости и т. п.

Участие вооруженных групп в незаконном обороте алмазов является не единственной проблемой алмазодобывающего сектора ЦАР. Старатели-кустари часто работают в опасных условиях, а государство не обеспечивает им защиту даже тогда и там, когда и где оно реально функционирует. Шахтеры подвергаются серьезным рискам и с точки зрения техники безопасности, и ввиду частых нападений боевиков. Они также эксплуатируются вооруженными группировками, выполняя тяжелую работу за очень небольшие деньги. Кроме того, на алмазных приисках применяется детский труд, причем масштабы этой проблемы до сих пор неизвестны.

Во время наступления на г. Банги «Селека» взяла под контроль все алмазные прииски на востоке страны, а также ввела системы незаконного налогообложения и выдачи разрешений на добычу. В настоящее время заметный рост нелегальной добычи алмазов наблюдается на территории национального парка «Маново-Гунда», где эта деятельность ранее была запрещена. Когда в 2014 г. «Антибалака» начала оттеснять отряды «Селеки» на восток, многие боевики осели в тех местах, начали заниматься браконьерством и участвовать в добыче алмазов. Действуя в качестве дилеров и старателей, они одновременно контролируют прииски, поставляют работникам продукты питания и вывозят алмазы контрабандой за границу. В некоторых случаях полевые командиры брали на себя роль своего рода руководителей алмазодобывающих компаний.¹⁴

Главный золотодобывающий район на востоке страны находится в префектуре Уака, где расположено несколько крупных предприятий, наиболее известным из которых является «Ндассима». Канадская компания «AXIN Inc.» имеет концессию на промышленную эксплуатацию золота в этом районе. В декабре 2012 г. «AXIN Inc.» прекратила свою деятельность после наступления «Селеки» и разграбления ею помещений компании. Месторождение быстро стало местом притяжения тысяч старателей.¹⁵ К 2014 г. их число в Уаке достигало около 8000 человек. Объем месячной добычи золота составлял 30–40 кг, 15 из которых приходились на «Ндассиму»¹⁶. «Селека» взимала налоги в объеме 5–10% от производства. Ежегодные доходы коалиции от незаконного налогообложения и выдачи разрешений только на руднике «Ндассима» превышали 150 тысяч долларов.¹⁷

Получение прибыли от добычи и торговли алмазами и золотом было одним из мотивов восстания «Селеки». Это подтверждается, например, тем фактом, что многие полевые командиры даже после назначения их на руководящие должности в столице предпочитали оставаться в районах горнодобычи, а не отправляться в Банги.¹⁸ Если в ходе многих других африканских конфликтов средства, выреченные

от продажи полезных ископаемых и иных видов нелегальной деятельности, преимущественно вкладывались в покупку оружия для продолжения борьбы, то в случае с «Селекой» в ЦАР такие средства использовались, в основном, для личного обогащения.

(б) Грабеж как источник обогащения

В конце 2012 г., продвигаясь к столице страны, боевики «Селеки» грабили местные населенные пункты, а после захвата Банги начали грабить жилые дома, магазины, медицинские центры, угонять автомобили (причем для «наводки» вербовалась местная молодежь). В центральных и западных районах страны только с февраля по июнь 2013 г. было задокументировано разграбление с последующим разрушением более тысячи домов, школ и христианских церквей.¹⁹ Награбленное имущество перевозилось через границу в соседние Камерун и Чад. От его продажи и командиров, и боевики получали большие прибыли.

Любопытно, что характер грабежей менялся по мере приближения «Селеки» к столице. Сначала отряды двигались быстро и целенаправленно, грабили в основном офисы и магазины, изымали продукты питания, оружие, транспортные средства, топливо и другие материалы, необходимые при ведении военных действий. Однако в столице грабежи приняли массовый характер, что свидетельствовало о стремлении боевиков к быстрому обогащению.

Для «Антибалаки» грабеж мусульманского населения стал главным источником дохода, хотя коалиция была активна и в горнодобывающих западных районах, где получала свою долю добывавшегося золота или плату за охрану участков добычи. Важным источником доходов для бойцов группировки стал угон скота: боевики отбирали целые стада у скотоводов-мусульман. Менее знакомые с разведением крупного рогатого скота боевики-христиане наводнили рынки живым скотом и мясом, продававшимися по заниженным ценам. К марту 2014 г. весь скот на западе страны был забит, продан или угнан за границу. Как следствие, в настоящее время его приходится импортировать из Камеруна.

Некоторые скотоводы (как мусульмане, так и немусульмане) «сотрудничали» с «Селекой», участвуя в рейдерских операциях. После создания «Антибалаки» многие обедневшие кочевники влились в ряды этой группировки, чтобы вернуть скот и отомстить грабителям, таким образом включаясь в порочный круг насилия.

Следует отметить две примечательные тенденции в грабительской активности «Антибалаки». Во-первых, большинство подобных действий совершалось с применением насилия в отношении именно мусульман (в то время как «Селека» грабила представителей обеих конфессиональных групп). Во-вторых, атаки на последователей ислама продолжались и тогда, когда отбирать больше было нечего. Таким образом, грабеж ради наживы не был единственным мотивом боевиков «Антибалаки».

(в) Контроль над пересечением границы

Еще одним видом неформальной экономической деятельности для обеих группировок было извлечение дохода от контроля над пересечением границы. «Селека» контролировала главную экономическую артерию страны – магистраль, соединяющую Банги и камерунский город Дуала. Ответственными за пограничный переход были чадские и суданские наемники. После переворота 2013 г., в условиях нестабильности и экономических потрясений, объем импорта товаров из Камеруна

сократился почти наполовину. Тем не менее, в среднем в ЦАР еженедельно въезжало 30–40 грузовиков, и каждый водитель вынужден был платить боевикам от 200 до 1000 долларов и делиться с ними топливом. Кроме того, различные группы «Селеки» оборудовали вдоль дорог контрольно-пропускные пункты, на которых транспортные средства облагались «налогами». В результате транспортировка грузов обходилась в четыре раза дороже, чем до кризиса. Аналогичная практика применялась на контрольно-пропускных пунктах вдоль чадской и суданской границ.²⁰

Боевики «Антибалаки» также создали на западе страны многочисленные блокпосты, на которых взимали незаконные налоги на провоз товаров.²¹

(г) Браконьерство

Доходным бизнесом для боевиков (прежде всего, «Селеки») стало браконьерство. В течение десятилетий группы хорошо вооруженных браконьеров из Судана и Чада переходили границу ЦАР для охоты на слонов и другую крупную дичь в национальных парках на северо-востоке страны. Они передвигались вооруженными группами численностью до 120 человек и часто пригоняли с собой скот, чтобы воспользоваться местными пастбищами. Хорошо организованная браконьерская деятельность привела к быстрому истощению дикой природы. Если в 1970-е гг. парки ЦАР славилась своим биоразнообразием и в них обитало около 35 тысяч слонов, то в 2000-е гг. этих животных осталось лишь около 150.²²

После появления «Селеки» браконьеры начали «сотрудничать» с группировкой, хотя и по-разному. Некоторые участвовали в военных операциях; другие, воспользовавшись отсутствием государственного контроля над территориями, начали прибывать большими группами и с большим поголовьем скота, нападая на деревни, уничтожая поля и посевы и выплачивая «Селеке» «налоги» за ее покровительство. Отчасти это было связано с острой нехваткой пастбищных угодий на юге Чада, усугублявшейся засухами и массовым притоком беженцев из ЦАР и суданского региона Дарфур (Судан).²³ Иногда боевики снабжали суданских браконьеров оружием и боеприпасами, а также покупали у них мясо и мед.²⁴

Браконьеры быстро адаптировали свою деятельность к условиям конфликта. Во-первых, они все чаще стали торговать мясом диких животных, что раньше было «исключительной прерогативой» местного населения. Во-вторых, в условиях полного отсутствия государственного контроля над периферийными районами, они начали беспрепятственно продвигаться вглубь страны. Иногда браконьеры даже пересекали границу с Камеруном, где в 2012 г. их активность привела к уничтожению около 300 слонов в национальном парке «Буба Нджила».²⁵ Объявив себя частью «Селеки», браконьеры запугивали местное население, грабили шахтеров и платили вооруженной коалиции «налоги».

Сама «Селека» также занималась браконьерством и торговлей слоновой костью. Однако с учетом малого числа выживших слонов и недолгого присутствия «Селеки» на западе страны следует признать, что контрабанда слоновой кости не была для боевиков надежным источником дохода. Поэтому боевики в основном занимались торговлей мясом диких животных, для которого существует большой рынок как в ЦАР, так и в соседних странах.

IV. Заключение

В ходе начавшегося в ЦАР в 2012 г. конфликта различные вооруженные группы (прежде всего, движения «Селека» и «Антибалака»), преступные группировки, контрабандисты и горнодобывающие компании (в т. ч. иностранные) извлекали выгоду из незаконной эксплуатации природных ресурсов и другой нелегальной деятельности. Транснациональный характер цепочек поставок алмазов, золота и прочих ресурсов и товаров способствовал такого рода нелегальной активности.

Кимберлийский процесс является одной из немногих инициатив в области предотвращения поставок на мировые рынки «кровавых алмазов». Однако он имеет ряд существенных ограничений и недостатков, главным из которых является его узкий охват: он касается только алмазов из зон конфликтов и не решает проблем нарушения прав человека, связанных с добычей алмазов и торговлей ими. Кроме того, он фокусируется на международной, а не внутренней торговле алмазами, а ведь именно за счет последней в основном финансируются повстанческие группы.

В случае с ЦАР проблема эффективности КП проявлялась еще и в том, что после запрета экспорта алмазов их контрабанда (в противовес законному экспорту) даже увеличилась.

Еще одним ограничением КП является то, что он не возлагает на горнодобывающие компании никакой ответственности за проверку их цепочек поставок. В конечном счете, значительная часть циркулирующих на международных и потребительских рынках алмазов происходит из зон вооруженных конфликтов и связана с соответствующими злоупотреблениями.

Алмазы, как правило, экспортируются из страны добычи на международные рынки. Камни подвергаются различным производственным и другим процессам, перемещаясь по сложной цепочке купли-продажи через множество стран и границ, прежде чем стать конечным продуктом. Торговля минералами, таким образом, связывает самых бедных шахтеров с самыми богатыми людьми и корпорациями мира. Однако транснациональный характер торговли полезными ископаемыми и цепочки поставок маскируют эти связи: мало кто знает, откуда берутся камни в ювелирных изделиях, минералы в смартфонах и других товарах и в каких условиях они добываются.

Хотя маршруты контрабанды из ЦАР известны, доступно мало информации о том, что происходит с алмазами, золотом, слоновой костью и другими товарами после того, как они попадают в соседние страны или в те государства, с которыми ЦАР имеет воздушное сообщение. Поскольку размер отдельных партий алмазов и золота, а зачастую и слоновой кости, невелик, их относительно легко перевозить в другие страны, где они становятся предметами внутренней торговли, экспорта, подвергаются огранке и т. д.

Контрабанда полезных ископаемых способствует незаконному оттоку богатств из развивающихся стран, поскольку лишает государства налогооблагаемой базы и, прежде всего, налогов на торговую прибыль и на экспорт. В 2015 г. правительство ЦАР добилось частичной отмены введенного в рамках КП запрета на экспорт алмазов, однако продолжающаяся контрабанда по-прежнему подрывает возможности страны поддерживать экономику за счет горнодобывающей отрасли. В результате богатая природными ресурсами страна с трудом выживает лишь благодаря иностранной помощи и инвестициям.

Нищета значительной части населения, рост коррупции и сохранение политической нестабильности, связанной с незаконной добычей полезных ископаемых и развитием экономики войны, являются характерными чертами не только ЦАР, но и многих других богатых ресурсами африканских стран. Это обстоятельство, которое иногда именуют «ресурсным проклятием», часто отмечается в документах неправительственных организаций и упоминается исследователями и экспертами.²⁶ Причины этого явления многогранны и включают в себя противоречия и неравномерность социально-экономического и политического развития этих стран в постколониальный период, слабость систем государственного управления и международных режимов регулирования добычи и оборота соответствующих ресурсов, коррупцию, а также неэтичное поведение бизнес-корпораций, в т. ч. транснациональных.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В декабре 2017 г. ООН в порядке исключения из действующего в отношении ЦАР эмбарго на поставки вооружений дала России разрешение на поставки в эту страну стрелкового оружия. В начале 2018 г. в ЦАР были направлены 5 военных советников и 170 специалистов-инструкторов, которые должны обучить местных солдат обращаться с предоставленным оружием. В августе 2018 г. Россия и ЦАР заключили соглашение о военном сотрудничестве, которое подразумевает отправку в ЦАР еще большего числа инструкторов, а также предоставление африканским военным возможности обучаться в России. В Баренго создан центр обучения, в котором работают российские инструкторы. Березовский Г. «Выгодный плацдарм»: кому нужна российская база в Африке // Газета.ру. 10.01.2019.

URL: <https://www.gazeta.ru/army/2019/01/10/12123589.shtml>.

По информации СМИ, в ЦАР также присутствуют сотрудники российских ЧВК. Россия продолжает сотрудничество с ЦАР // Новые известия, 23 октября 2018.

² В состав МИНУСКА вошли Объединенное представительство ООН по миростроительству в ЦАР (ОПООНМЦАР, учреждена 1 января 2010 г. на основании письма Генерального секретаря (S/2009/128) и заявления Председателя СБ (S/PRST/2009/35) как преемник Отделения ООН по поддержке миростроительства в ЦАР) и Международная миссия под африканским руководством по поддержке в ЦАР (АФИСМЦАР, создана 5 декабря 2013 г. резолюцией 2127 СБ ООН), которая 15 сентября 2014 г. передала свои полномочия МИНУСКА. Операции ООН по поддержанию мира: Мандат по защите гражданских лиц и поддержке переходных процессов в Центральноафриканской Республике. URL: <https://peacekeeping.un.org/ru/mission/minusca>; Политические миссии ООН и ее миссии по миростроительству. URL: <https://www.un.org/ru/peace/missions/car2010.shtml>; МИНУСКА: Многопрофильная комплексная миссия ООН по стабилизации в Центральноафриканской Республике. URL: <https://www.un.org/ru/peacekeeping/missions/minusca/background.shtml>.

³ Spittaels S., Hilgert F. Mapping Conflict Motives: Central African Republic. – Antwerpen: IPIS, 2009.

⁴ Isaacs-Martin W., Mafeje A. Political and ethnic identity in violent conflict: the case of Central African Republic // South Africa International Journal of Conflict and Violence. V. 10. № 1. 2016. P. 27.

⁵ Ethnic cleansing and sectarian killings in the CAR // Amnesty International News. 12 February 2014. P. 8–16. URL: <https://www.amnesty.org/en/latest/news/2014/02/central-african-republic-ethnic-cleansing-sectarian-violence>.

⁶ Central African Republic: They Must All Leave or Die. Fédération internationale des ligues des droits de l'Homme (FIDH) Investigative Report. – Paris: FIDH, 2014. URL: https://www.fidh.org/IMG/pdf/rapport_rca_2014-uk-04.pdf.

⁷ Chains of Abuse: The Global Diamond Supply Chain and the Case of the Central African Republic. – L.: Amnesty International, 2015. P. 2. URL: <https://www.amnesty.org/download/Documents/AFR1924942015ENGLISH.PDF>.

⁸ Схема сертификации процесса Кимберли (Kimberley Process Certification Scheme / KPCS) была утверждена Резолюцией 55/56 Генеральной ассамблеи ООН в 2003 г. как схема для предотвращения поступления на рынок т. н. кровавых алмазов, т. е. алмазов, добываемых незаконно в охваченных конфликтами странах и идущих на финансирование закупок оружия для повстанческих группировок. Участниками КП являются 54 страны мира, из них 19 африканских, в т. ч. ЦАР. Предполагается, что Россия возглавит КП в 2020 г. Участники Кимберлийского процесса. URL: http://www.minfin.gov.by/ru/activities_jewels/international_cooperation/members; Россия возглавит «Кимберлийский процесс» для контроля оборота алмазов // IZ.ru. 10.01.2019. URL: <https://iz.ru/832342/2019-01-10/rossiia-vozglavit-kimberliiskii-protcess-dlia-kontroliia-oborotom-almazov>.

⁹ Dukhan N. The Central African Republic Crisis. – Birmingham: University of Birmingham, 2016. P. 24.

¹⁰ Weyns Y., Hoex L., Hilgert F., Spittaels S. Mapping Conflict Motives: The Central African Republic. – Antwerp: International Peace Information Service (IPIS), 2014. P. 30.

¹¹ Chains of Abuse. P. 3.

¹² Analysis of Conflict and Peacebuilding in the Central African Republic. Conciliation Resources Report. – L.: Conciliation Resources, 2015. URL: <https://www.c-r.org/resources/analysis-conflict-and-peacebuilding-central-african-republic>.

¹³ Central African Republic: Priorities of the Transition. International Crisis Group (ICG) Africa Report № 203. – Brussels: ICG, 2014. URL: <https://www.crisisgroup.org/africa/central-africa/central-african-republic/central-african-republic-priorities-transition>.

¹⁴ Preliminary Report of the International Commission of Inquiry on the Central African Republic in accordance with Security Council Resolution 2127(2013). UN Security Council. UN Doc. S/2014/373. 26 June 2014. URL: https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/s_2014_373.pdf.

¹⁵ Blood Timber: How Europe Played a Significant Role in Funding War in the Central African Republic. – L.: Global Witness, 2015. URL: <https://www.globalwitness.org/en/campaigns/forests/bloodtimber>.

¹⁶ Final Report of the Panel of Experts on the Central African Republic established pursuant to Security Council Resolution 2127 (2013). UN Security Council. UN Doc. S/2014/762. 29 October 2014. URL: http://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/s_2014_762.pdf.

¹⁷ Report of the Panel of Experts on the Central African Republic established pursuant to Security Council Resolution 2127 (2013). UN Security Council. UN Doc. S/2014/452. 1 July 2014. URL: <https://undocs.org/S/2014/452>.

¹⁸ Kah H.K. History, external influence and political volatility in the Central African Republic (CAR) // Journal for the Advancement of Developing Economies. 2014. № 5. P. 33.

¹⁹ “I Can Still Smell the Dead”: The Forgotten Human Rights Crisis in the Central African Republic. Human Rights Watch Report. – N.Y.: Human Rights Watch, 2013. URL: https://www.hrw.org/sites/default/files/reports/car0913_ForUploadWInsert_0.pdf.

²⁰ La crise centrafricaine: de la prédation à la stabilisation. International Crisis Group Rapport Afrique № 219. – Brussels: ICG, 2014. URL: <https://www.crisisgroup.org/fr/africa/central-africa/central-african-republic/central-african-crisis-predation-stabilisation>.

²¹ Report of the Panel of Experts on the Central African Republic established pursuant to Security Council Resolution 2127 (2013). UN Security Council. UN Doc. S/2014/452. Op. cit.

²² Kah H.K. Op. cit. P. 40.

²³ Подробнее см. Костелянец С.В. Конфликт в суданском регионе Дарфур: региональный аспект // Восток. 2015. № 1. С. 77–78.

²⁴ Report of the Panel of Experts on the Central African Republic established pursuant to Security Council Resolution 2127 (2013). UN Security Council. UN Doc. S/2014/452. Op. cit.

²⁵ Weyns Y. et al. Op. cit. P. 41.

²⁶ См., например, Collier P. Natural Resources, Development and Conflict: Channels of Causation and Policy Interventions. World Bank Report № 28730. – Washington D.C.: World Bank, 2003; Le Billon Ph. Angola's political economy of war: the role of oil and diamonds, 1975–2000 // African Affairs. 2001. V. 100. № 398. P. 55–80; Falola T., Oyebade A.O. Hot Spot: Sub-Saharan Africa. – Santa Barbara (Calif.): Greenwood, 2010; The Roots of African Conflicts: The Causes & Costs / Ed. by A.Nhema and P.T.Zeleza. – Athens (OH): Ohio University Press, 2008; Collier P. Wars, Guns, and Votes: Democracy in Dangerous Places. – N.Y.: Vintage, 2010; Ross M.L. What have we learned about the resource curse? // Annual Review of Political Science. 2014. V. 18. № 1. P. 239–259.